

лицо в сфере трудового права, по общему правилу, правосубъектно...»¹⁶.

Таким образом, трудоспособность — это достаточно самостоятельная, обособленная от правоспособности способность физического лица, а «разъединение трудовой правоспособности и трудовой дееспособности, как правило, невозможно, но не всегда»¹⁷. Трудовая правоспособность и трудовая дееспособность неразрывны, поэтому целесообразно использовать единую категорию — трудовая правосубъектность. Если несовершеннолетние лица, недееспособные лица могут вступать в трудовые отношения (и они действительно вступают в трудовые отношения), то эти лица правосубъектны. Кажется, что для наличия трудовой правосубъектности достаточно наличия у лица трудовой правоспособности.

Вместе с тем существование самостоятельной трудовой правоспособности, отличной от гражданской правоспособности, вызывает сомнения. Одним из элементов гражданской правоспособности является возможность гражданина заниматься предпринимательской и любой иной, не запрещенной законом деятельностью, несомненно, что и трудовой деятельностью в том числе. Гражданская правоспособность включает в свое содержание возможность гражданина вступать в трудовые отношения. На основе гражданской правоспособности осуществляется трудовая деятельность физических лиц.

В юридической литературе высказано мнение, что «необходимой предпосылкой возникновения трудовой правосубъектности... является наличие гражданской правосубъектности и юридических предпосылок для разграничения момента возникновения гражданской и трудовой правосубъектности не имеется»¹⁸.

Представляется, что категория «трудовая правоспособность» поглощается категорией «гражданская правоспособность». Возможности, составляющие содержание трудовой

правоспособности, являются уточнением такого элемента гражданской правоспособности, как возможность заниматься любой не запрещенной законом деятельностью.

Таким образом, выделение в структуре правосубъектности правоспособности и дееспособности имеет значение для гражданского права, а не для всех отраслей права.

Примечания

¹ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 126.

² Гражданское право: учеб. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 2000. Т. 1. С. 97.

³ Лебединец О.Н. Гражданская правосубъектность: (сущность, значение, содержание и элементы) // Юрист. 2003. № 9. С. 3.

⁴ Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 26.

⁵ См., напр.: Илларионова Т.И. Структура гражданской правосубъектности // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Свердловск, 1978. С. 58.

⁶ Синайский В.И. Русское гражданское право: Общая часть. Киев, 1917. Вып. 1. С. 44.

⁷ Потюков А.Г. Правоспособность и дееспособность граждан по гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 12.

⁸ Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 172.

⁹ Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 275–276.

¹⁰ Там же. С. 280–281.

¹¹ Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 172.

¹² Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972. С. 171.

¹³ Фильчакова С.Ю. Прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 114–115.

¹⁴ Бегичев Б.К. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ Трудовое право России: учеб. / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. М., 2002. С. 108; Фильчакова С.Ю. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Фильчакова С.Ю. Указ. соч.

¹⁷ Бондаренко Э.Н. Трудовая правоспособность, дееспособность и юридические факты // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 61–65.

¹⁸ Черных Н.В. Виды работодателей и их трудовая правосубъектность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 16.

Ю.В. ВИННИЧЕНКО

кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РАЗУМНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Непосредственным предметом нашего научного исследования является широко используемая в современном отечественном

гражданском законодательстве категория «разумность». Ввиду отсутствия легального определения ее вполне обоснованно от-

носят к числу так называемых оценочных понятий, т.е. таких понятий права, которые отражают наиболее общие признаки каких-либо явлений, но детально законодателем не разъясняются. В данной связи вопрос об определении содержательного признака понятия «разумность» — центральный и, пожалуй, самый сложный из всех других аспектов проблемы разумности в цивилистике. В ходе выявления указанного критерия гражданско-правовой разумности мы столкнулись с рядом вопросов, изначально не входивших в сферу нашего научного анализа. Их осмысление позволило сформулировать некоторые предельно общие выводы, которые и будут изложены далее.

Рассматривая проблему разумности в гражданском праве, мы исходили из того, что даже будучи привнесенным в область права, любое понятие, в том числе «разумность», обретая отраслевую специфику, должно сохранять свое общенаучное, исходное значение. Таким общенаучным значением разумности является понимание ее как присущей человеку познавательной способности упорядочивать, систематизировать имеющиеся знания о вещах и явлениях, а также обнаруживать связь последних и действовать целесообразно этой связи¹. Исходя из этого и принимая во внимание направленность регулирующего воздействия права именно на действия субъектов, мы сделали вывод, что один из существенных признаков категории «разумность» — целесообразность².

Последующий анализ целесообразности, означающей, в свою очередь, соответствие чего-либо *связи вещей и явлений*, обусловил необходимость выявления того пласта (С.С. Алексеев) правовой действительности, в котором указанная связь проявляется наиболее полно. Его установление, как нам казалось, будет способствовать пониманию правовой категории «разумность», поскольку позволит определить, чему должно соответствовать поведение субъекта, чтобы быть признанным разумным. Однако решение этой задачи обнаружило еще большее количество теоретических проблем, требующих своей концептуальной разработки. В частности, речь идет об отсутствии ясности в вопросе о правовой природе гражданского (имущественного) оборота, выступающего, на наш взгляд, в сфере гражданского права той самой связью вещей и явлений, соответствие

которой означает разумность. Иными словами, действовать разумно значит действовать сообразно гражданскому обороту.

Категория «гражданский оборот», вне всяких сомнений, может быть отнесена к числу категорий, наиболее часто употребляемых в цивилистической литературе. Наряду с иными аналогичными понятиями, такими как «торговый оборот», «коммерческий оборот», «имущественный оборот» либо просто «оборот», она используется при освещении и исследовании самых различных вопросов гражданского права. Вместе с тем в современном правоведении единое понимание данной категории и соответствующего ей термина отсутствует. Более того, отдельные ученые, рассматривая то или иное явление в гражданском обороте, даже не дают определение последнего, используя этот термин как нечто само собой разумеющееся³. Четкое отграничение гражданского оборота от оборота коммерческого, торгового и т.п., как правило, не проводится⁴.

Достаточно часто при конструировании правовых норм обращается к понятию «оборот» и отечественный законодатель: только в Гражданском кодексе в различных сочетаниях («оборот», «деловой оборот», «международный оборот», «платежный оборот», «участники гражданского оборота», «условия гражданского оборота» и т.п.) оно встречается более 70 раз. Легальные дефиниции приведенных понятий отсутствуют.

Таким образом, для определения содержания понятия «разумность» необходимо раскрыть содержание понятия «гражданский оборот». Последнее же возможно лишь после установления правовой природы гражданского оборота как реально существующего явления.

В юридической литературе справедливо отмечалось, что гражданский оборот по своей природе — явление правовое и на этом основании его не следует отождествлять с оборотом в экономическом смысле⁵. Указание на это делали еще дореволюционные цивилисты, в частности С.А. Муромцев (именовавший оборот в экономическом смысле торговым оборотом). Определяя гражданский оборот как «совокупность всех юридических действий, которые совершаются субъектами в данном гражданском обществе и в пределах гражданско-правового порядка», ученый отмечал, что этот оборот «не должно смещи-

вать с торговым оборотом»⁶. Последний, по его мнению, не включает в себя безвозмездные (дарение, завещание) и односторонние действия, а также действия, которые выражают обмен неимущественных благ. Поэтому, с одной стороны, он уже гражданского оборота. С другой стороны, торговый оборот шире гражданского оборота, так как в нем практикуются и такие действия по обмену имущественных благ, которые не обладают юридическим характером и на этом основании не могут быть отнесены к гражданскому обороту. Существенное сходство двух указанных видов оборота С.А. Муромцев видел в том, что их главное содержание всегда составляют «акты мены»⁷.

В целом можно выделить две основные точки зрения на понятие гражданского оборота: гражданский оборот как совокупность юридических фактов⁸, гражданский оборот как совокупность правоотношений⁹. На наш взгляд, в понятие гражданского оборота следует включать как юридические факты, так и порождаемые (изменяемые, прекращаемые) ими имущественные правоотношения. Сведение гражданского оборота исключительно к юридическим фактам представляется не совсем верным, ибо при таком подходе в ряде случаев собственно оборот имущества будет отсутствовать. Имеются в виду односторонние сделки (например, доверенность или извещение о проведении торгов), которые хоть и влекут возникновение субъективных гражданских прав и обязанностей, однако непосредственно перемещение имущества не порождают, равно как исключение из гражданского оборота юридических фактов и включение в него только имущественных правоотношений превращает гражданский оборот в голую абстракцию, лишенную какой-либо связи с реальной действительностью.

Традиционно в юридическое понятие гражданского оборота включают только те имущественные отношения, которые направлены на передачу имущества, выполнение работ и оказание услуг, т.е. только правоотношения, отражающие динамику субъективных гражданских прав. Вместе с тем предпосылкой, «фундаментом» перехода прав на имущество (а значит, и оборота самого имущества) в большинстве случаев выступает иная, статичная по своему характеру, группа гражданско-правовых отношений — абсолют-

ных. Исключение из гражданского оборота указанной группы правоотношений должно означать лишение относительных, в первую очередь обязательственных правоотношений того правового основания, ссылаясь на которое одно лицо передает имущество и права на него другому лицу. Говоря о соотношении относительных и абсолютных правоотношений, следует отметить и то, что абсолютные (в частности, вещные) права, составляющие содержание соответствующих правоотношений, необходимо рассматривать не только как основание имущественного обмена, но также и как его результат. Исходя из этого можно заключить, что сам обмен (и его правовая форма в виде гражданского оборота) существует постольку и необходим с позиции субъектов лишь для того, чтобы увеличить сферу своего имущественного господства посредством приобретения абсолютных прав. То, что абсолютные отношения закрепляют предпосылки и результаты относительных правоотношений, отмечается и в современной юридической литературе¹⁰.

Сказанное приводит к выводу о необходимости введения таких понятий, как «гражданский оборот в узком смысле» (включающий только относительные, в частности обязательственные, правоотношения) и «гражданский оборот в широком смысле» (включающий наряду с относительными и абсолютные правоотношения).

Поскольку гражданский оборот в его традиционном (узком) понимании связан с перемещением имущества, его можно также именовать имущественным оборотом.

Представляется, что гражданский оборот как реально существующее явление правовой действительности имеет некую постоянную, неизменную сущность. Независимо от тех либо иных особенностей гражданский оборот Древнего Рима, средневековой Европы или современной России — это нечто единое. Вместе с тем, как справедливо отметил И.Г. Оршанский, одни и те же идеи могут «на известной ступени культуры» являться общим достоянием или даже составлять основу существующего порядка, а через несколько веков появление такой идеи «уже есть не что иное, как предрассудок, нелепость, бред или даже преступление. Таким образом, здоровое от больного, нравственное от преступного, нелепый предрассудок от общепринятого мнения

отличаются не только по существу, но и по времени и по степени культурного развития»¹¹. Следовательно, при рассмотрении любого явления, в том числе и гражданского оборота, необходимо учитывать его социально-исторический и социально-культурный контекст, поскольку взятое отвлеченно от конкретных условий оно будет являться не более чем некой абстрактной конструкцией. Содержательное наполнение последней возможно только посредством обращения к той «живой» материи, отражением которой указанная модель выступает.

В свете рассматриваемой проблемы это означает, что, говоря о гражданском обороте, акцент следует делать не просто на то, что он является правовой формой фактических отношений субъектов, а на то, что это — совокупность *типичных* для данной правовой системы моделей поведения лиц. Подобное указание на типичность, с одной стороны, означает «обычность» данных правовых конструкций, т.е. их максимальное соответствие (ввиду «естественного» характера появления) социально-экономическим условиям и потребностям конкретного общества. С другой стороны, типичность указывает на некоторую упорядоченность всего многообразия различных по своему содержанию и целевой направленности правовых связей (путем сведения их к определенным типам) и, таким образом, позволяет говорить о гражданском обороте как о некой *системе*. Исходя из этого одним из аспектов проблемы разумности в гражданском обороте выступает вопрос о значении категории «разумность» с позиций возникновения, организации и функционирования указанной системы.

Что касается возникновения гражданского оборота, то характеристика разумности как его *онтологического* (бытийственного) *начала*, думается, бесспорна. В данной связи уместно привести слова корифея отечественной цивилистики С.А. Муромцева, который писал: «Правовой порядок, который насаждается в жизни судебными решениями, договорами и законом, не дается людям сам собою, не вдохновляется в них каким-либо высшим разумом; они додумываются до него, они изобретают его и в этом смысле творят его»¹².

Более сложен вопрос об определении роли разумности в организации и функционировании системы гражданского оборота.

При первом приближении разумность (в значении целесообразности) представляется той основой, благодаря которой гражданский оборот собственно и является системой, причем системой самоорганизующейся, развивающейся по своим собственным законам и в этом смысле системой, параллельной системе гражданского права. В пользу «существующего» (В.И. Синайский) положения гражданского оборота свидетельствует, по нашему мнению, тот факт, что в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования в понятии гражданского оборота также отражаются те типичные модели отношений субъектов, которые хоть и не закреплены непосредственно в позитивном праве, но фактически сложились на практике.

Что до существующей практики, то она, увы, включает в себя немалый с позиций современных реалий пласт действий, совершенных если и не с явным нарушением закона, то, как минимум, в обход его, что в условиях бесчисленных правовых коллизий, необходимо признать, имеет место. Означает ли это, что в понятие гражданского оборота следует включать также неправомерные действия (как юридические факты, влекущие возникновение соответствующих обязательств правоотношений, входящих в гражданский оборот)? О.А. Красавчиков полвека назад писал в данной связи: «Имеется ли необходимость в доказательстве того, что гражданский оборот не может состоять из деликтов и юридических событий»¹³. На наш взгляд, указанное обстоятельство и не нуждается в его доказательстве или опровержении, ибо гражданский оборот, являясь некой параллельной по отношению к объективному гражданскому праву системой, отражает в себе те отношения (а следовательно, и их основания), которые фактически реально существуют в социуме, и не состоит лишь из того, из чего может (= должен) по нашему мнению состоять. Безусловно, право как совокупность правовых норм должно быть рассчитано на тот идеальный порядок, который предполагает неотступное соблюдение этих самых норм и который должен служить образцом, «всеобщим масштабом» поведения субъектов в обществе. Однако и с этих позиций нельзя отрицать и списывать со счетов те фактические отношения лиц, которые существуют вопреки законодательным

предписаниям. Облекаясь в правовую форму (например, частично исполненных ничтожных договоров), они также являются элементом гражданского оборота, поскольку влекут переход имущества (а для добросовестного приобретателя — и прав на него) от одного лица к другому. Это — тоже гражданский оборот, пусть и со знаком «минус». Здесь, на наш взгляд, вполне допустима следующая аналогия: говоря об организме человека, мы имеем в виду, в том числе, некое «сложно организованное единство, целостность»¹⁴, не уточняя при этом, здоров или нет этот организм. Так и с гражданским оборотом: существующие в нем, назовем их условно, «отрицательные элементы» также представляют собой его неотъемлемую часть и входят в традиционное понятие гражданского оборота могут лишь условно, поскольку правовой формой общественных отношений по определению признаваться не должны. Именно с указанных позиций при характеристике целесообразности как критерия разумности нами делается акцент на *типичные модели поведения субъектов*: таковыми являются действия и отношения, которые все-таки соответствуют принятым в данном обществе нормам и правилам, в том числе правовым.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы — вопрос о разумности самого гражданского оборота. Его решение имеет, в том числе, немалое практическое значение. В частности, критерием законодательно установленного требования разумности выступает, на наш взгляд, целесообразность, понимаемая, в свою очередь, как соответствие действий лица гражданскому обороту. Однако как быть, если гражданский оборот либо отдельная его часть не является разумным (целесообразным); может ли быть с точки зрения права признано разумным такое действие отдельного субъекта, которое соответствует «неразумному» гражданскому обороту? Ответ на данный вопрос с позиций применения права имеет принципиальное значение.

В завершение же настоящей статьи отметим, что наша цель не заключалась в детальном рассмотрении всех аспектов проблемы разумности в гражданском обороте. Однако надеемся, что и изложенное будет способствовать пониманию таких правовых

категорий, как «разумность» и «гражданский оборот».

Примечания

¹ Указанное определение можно дать исходя из этимологического анализа термина «разумность» и того значения, в котором в современной философии понимается «разум» (как этимологическая основа «разумности»); последний определяется как «способность, деятельность человеческого духа, направленная не только на причинное, дискурсивное познание (как рассудок), но и на познание ценностей, на универсальную связь вещей и всех явлений и на целесообразную деятельность внутри этой связи» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1996. Т. 4. С. 53; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 655; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 289; Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 2002. С. 383).

² Подробнее об этом см.: Виниченко Ю.В. К вопросу о критерии разумности в российском гражданском праве // Теоретические аспекты современного российского права: сб. науч. тр. / под общ. ред. Е.Г. Бельковой. Иркутск, 2003. С. 36–48.

³ См., напр.: Эбзеев Б.Б. Участие акционерных обществ в гражданском обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

⁴ См., напр.: Неверов О.Г. Товарораспорядительные документы в торговом обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7, 10, 16, 27.

⁵ Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве: докл. в ВИАЮН // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 71; Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М., 1957. Т. 5. С. 10.

⁶ Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 47. Гражданский и торговый оборот различал и Г.Ф. Шершеневич. Так, ученый писал: «По нашему праву возможны такие явления, которые... способны подорвать добрую веру в гражданском, особенно в торговом, обороте» (курсив наш. — Ю. В.) (Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 2000. С. 287).

⁷ Муромцев С. Указ. соч. С. 47–48.

⁸ См., напр.: Братусь С.Н. Указ. соч. С. 71.

⁹ См., напр.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 14.

¹⁰ См., напр.: Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2005. Т. 3: Обязательственное право. С. 13.

¹¹ Оршанский И.Г. Криминальная антропология и судебная медицина. СПб., [1903]. С. 26. «Создавая новую правовую норму, новое правило поведения взамен старого, государство тем самым признает, что старое предписание должного поведения более не соответствует стоящим перед обществом задачам и нуждается в замене новыми предписаниями», — писал А.А. Тилле (Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965. С. 33).

¹² Муромцев С. Указ. соч. С. 266.

¹³ Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 458.